

— О наших беседах и спорах я расскажу позже, а сейчас вернусь к событийной части моего повествования. Надо было что-то решать с Сашенькой, её житьё с Иринкой у мамы в Тейково рассматривалось нами как вынужденная посадка, а вот куда и как лететь дальше?

— Моё положение определилось - я остаюсь в аспирантуре, а значит, в Ленинграде пробуду ещё четыре года, считая нынешний 1966-й, в течение которого предстояло выполнить дипломную работу, причём так, чтобы её можно было развить в ходе аспирантуры в кандидатскую диссертацию. А где будет жить и работать в это время Сашенька? Конечно, здесь же, в Ленинграде, других мнений на этот счёт у нас с ней быть не могло. А вот как это конкретно может быть устроено - мы себе отчётливо не представляли. Главное - мне зацепиться за Ленинград, а там будет видно.

— Но чтобы Сашенька могла жить со мной, а тем более работать в Ленинграде, нужна была хотя бы временная прописка, которую мы, будучи студентами, имели, и которую Сашенька автоматически теряла по окончании университета. Какие-то смутные надежды связывались с тем, что мы оба имели родственников, постоянно прописанных в Ленинграде: у меня дядя Вова в Сестрорецке, тётя Люся в Ленинграде, у Сашеньки две тётки, сестры её матери, тоже жили в Ленинграде.

— И вообще мы считали себя ленинградцами, а я так даже коренным - ведь я родился здесь в Ленинграде, в блокаду, мама моя коренная сестроретчанка, родители воевали на Ленинградском фронте, не эвакуировались, лучшие годы моего детства связаны с Сестрорецком и Песочной; Сашенька кончала школу в Ленинграде, и её родители жили здесь, когда она уже училась на младших курсах университета. Не виноваты же мы в том, что отцы наши были военными служащими и по долгу службы отправлялись с семьями туда, куда Родина пошлёт.

— Убеждённость в моральных правах на жизнь в Ленинграде и горячая юношеская любовь к этому городу подавляли смущение от того факта, что никаких юридических прав на ленинградскую прописку у нас не было, у Сашеньки даже на временную. Просто надо было действовать, и я начал.

— Быстро выяснилось, что надежд на прописку в общежитии никаких, хотя кое-кому это как-то удавалось, в частности, в общежитии была прописана жена нашего соседа-аспиранта из 51-й комнаты, никакого отношения к университету не имевшая. Такие операции делались на путях подношений в паспортном столе и Бог знает где ещё.

— Были бы деньги, а прописка - ерунда, купить всё можно, - говорили мне знающие. Отсутствие денег и инстинктивное отвращение к взяточничеству исключали такой путь, и я даже не стал интересоваться его деталями.

— Далее выяснилось, что у родственников в принципе временно прописаться можно, но только если позволяет жилплощадь (не менее сколько-то там квадратных метров на человека), поэтому Бургвицы и Морозы с их мизерными площадями сразу отпали. Мы обратились к Гуте, Августине - сестре Сашенькиной мамы, которая жила вдвоём с десятилетним сыном Сашкой в только что полученной однокомнатной квартире где-то на Гражданке. Жить у неё мы, конечно, не собирались, нужна была только прописка для Сашеньки. Гутя (Сашенька из-за малой разницы в возрасте звала её не тётей, а просто Гутей) охотно пошла нам навстречу, подписала все требуемые бумаги, ходила вместе со мной в ЖЭК, в милицию.

— В ЖЭКе нам бумаги подписали, а вот в районном отделении милиции дело встало. В прописке (временной!) нам безо всяких объяснений отказали, а за разъяснениями рекомендовали обратиться в Большой Дом - так именовалась ленинградцами огромная серая глыба архитектуры 30-х годов на Литейном проспекте недалеко от Литейного моста, где располагались городская и областная отделы Министерства внутренних дел (тогда оно называлось как-то иначе - Управление охраны общественного порядка, кажется).

___ - Если там разрешат, тогда и мы не возражаем, - сказали мне в райотделе милиции.
___ Что делать? Я выяснил, когда в Большом Доме приёмные дни, и в ближайший из них явился с утра в приёмную начальника паспортного стола города Ленинграда.

___ Народу было тьма. Толпа делилась на две части: одна составляла очередь на сдачу документов в окошко, вторая - очередь за получением ответа. Часа два нужно было стоять в первой, а потом столько же во второй. Проблема у всех была одна - прописка, здесь занимались только этим.

___ В очереди на сдачу документов обстановка была поспокойнее, неизвестность ещё сулила надежды, хотя уже здесь начиналось отсеивание - не у всех документы принимали, видать, не хватало каких-нибудь подписей с нижестоящих инстанций, либо было очевидно отсутствие всяких прав на прописку.

___ Во второй же очереди стоявшие кидались с расспросами на выходящих с резолюциями, там бурлили эмоции, преимущественно отрицательные, так как получившие положительную резолюцию (были и такие) здесь не задерживались и радостно летели куда-то дальше. Большинство же выходило с красными лицами, кто в растерянности, кто с негодованием. За время стояния в очередях народ обменивался рассказами о своих прописочных мытарствах, пытаюсь выудить из опыта других полезную информацию для себя, и каждого выходящего расспрашивали, уже зная его предысторию:

___ - Ну, как? Ну, что?

___ - Да ничего. Отказ.

___ - Да что Вы говорите? И почему же?

___ - А нипочему!

___ - Не может быть! - и т.д.

___ Я в этих разговорах не участвовал, читал книжку, пытаюсь не замечать стоявшего вокруг гула. В окошко мои бумаги взяли, бегло на них взглянув, безо всяких вопросов, и я перешёл во вторую очередь. Наконец и здесь подошёл мой черёд.

___ Я вошёл в комнату, где за столом сидел майор милиции. Не ответив на моё "Здравствуйте" и не предложив мне сесть (впрочем, рядом с его столом стула для посетителей не было, здесь не канителились), он взял лежавшее по правую руку от него моё написанное на бланке заявление с визами Гути и ЖЭКа "согласен" и пометкой райотдела милиции "на рассмотрение в горотдел", начертал крупными буквами в левом верхнем углу "ОТКАЗАТЬ" и протянул его мне, так и не сказав ни слова.

___ Я ошарашено посмотрел сначала на бумажку, а потом на майора и спросил: - А почему?

___ - Вы свободны, пригласите следующего, - ответил майор. Ошеломлённый быстротечностью рассмотрения, я на мгновение растерялся и как прирос к полу, но это длилось секунды. Выражение лица майора давало понять, что всякие разговоры здесь бесполезны, но моя растерянность уже перешла в негодование, и я не удержался, чтобы не ляпнуть:

___ - Ну, знаете, чтобы так вопросы решать, здесь не надо и человека держать, можно автомат посадить - резолюции штамповать!

___ - А вас куда посадить надо?! - рявкнул мне майор, вставая из-за стола. Я прекратил прения и вышел из кабинета.

___ "Неужели это всё?" - не верилось мне. Мой удручённый вид привлёк сочувствующих - товарищей по несчастью, продолжавших околачиваться в приёмной.

___ - Можно ещё выше пойти, - подсказал мне кто-то из них.

___ - Куда?

___ - К комиссару.

___ - А где это?

___ - А с другого подъезда, на последнем этаже. Только там сначала записаться надо.

___ Я побрёл в указанном направлении, ни на что уже не надеясь. На приём к комиссару

меня записали, и я должен был явиться через два дня. Никаких идей за эти два дня мне в голову не пришло, сплошная тоска зелёная.

— В назначенный день я пришёл пораньше на всякий случай, но к высшему начальству народ не толпился, система предварительной записи, видимо, работала ч(тко, кроме меня в это же время ждало приёма человека три - четыре, не более. В этот день как раз открывался очередной, 23-й, кажется, съезд партии. Из репродуктора в приёмной разносилась речь Брежнева - его первая парадная речь как Первого секретаря ЦК КПСС (к именованию Генеральный, введённому Сталиным, вернулись позже). Я уныло слушал отчёт ЦК о растущем благосостоянии советского народа. Не прошло и получаса - меня вызвали, как к врачу в поликлинике, и я с дрожью в коленках вошёл.

— Пожилой человек в штатском, на вид вполне добрый дяденька, предложил мне сесть и спросил, в чём дело. Я, сдерживая неподдельное волнение, чуть ли не со слезами на глазах живописал ситуацию следующим образом: жена, мол, с грудным младенцем нелегально живёт в общежитии, ехать ей некуда, друг без друга мы жить не можем, а мне ещё учиться год, а потом в аспирантуре три, и ей надо работать, а то мне на стипендию семью не прокормить, и т.д., и т.п., показывая при этом Сашенькин диплом, свою зачётную книжку и отметку в паспорте о наличии дочери с такой-то датой рождения.

— Ну, а что же жена-то Ваша сама не пришла? Пусть придёт, побеседуем с ней, - сказал мне дяденька, почувствовав, видимо, что не всё в моём рассказе чистая правда.

— Да как же она ребёнка оставит! Она мне не доверяет, да и нельзя ей волноваться - молоко пропадёт, - обескуражено врал я, волнуясь теперь уже и от страха быть разоблаченным.

— Ну, ничего, на часик Вы её освободите, - настаивал опытный дяденька.

— Я вышел из кабинета с ощущением, что успех был близок, но я где-то ошибся, и теперь всё рухнуло - откуда я Сашеньку сюда приведу? Я сделал несколько шагов от двери кабинета, но вдруг повернул назад и, отчаянно открыв дверь, подошёл к столу, у которого только что сидел.

— Простите, я Вам наврал, моей жены сейчас нет в Ленинграде, но я Вас очень прошу, от Вас зависит счастье семьи, в честь открытия съезда, сделайте милость..., - и Бог знает, что ещё. Что подействовало на дяденьку, не знаю. Может, он и в самом деле был добрым? Во всяком случае очередная резолюция легла на исчириканный бланк моего заявления, и на этот раз она гласила: "Прописать временно на 1966-й год".

— И в следующий раз не лгите, молодой человек! - напутствовал меня дяденька.

([продолжение следует](#))